

Женщины юга Киргизстана Родовой быт киргиза

Е. Л. Марков. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. — СПб., 1901.

Киргиз со своей женой. Фото Д. Хэнбери, конец XIX в.

Безлюдная горная пустыня кончается вместе с спуском с седлистого перевала из долины Чигирчика — в долину Талдык-Су. Тут уже опять киргизские кочевья на каждом шагу, киргизские зимовники, киргизские стада на высоких горных пастбищах, едва видных нам снизу.

По болотистым круговинкам Талдыка важно бродят черные аисты, которых я вижу еще первый раз в жизни, и часто вспархивают тоже никогда мною не виданные отайки, или золотые утки, — крупные птицы сказочной красоты цветов, чудно сверкающие на солнце багрянцем и золотом своих перьев.

Но для меня интереснее всяких птиц — идущие нам навстречу караваны. Видно, лето разжарило не на шутку нижние долины Малого Алая. Перекочевывающие в горы киргизы тянутся одни за другими. И у всех один и тот же порядок, и везде одни и те же картины: впереди гонят овец, коров, верблюдов, мужчины с воинственным видом верхами на конях, а на горбах тяжело нагруженных верблюдов, среди деревянных остовов кибиток, чангараков, свернутых в трубки войлоков, тюков с коврами, котлов и кувшинов — ярко-красные халаты и белые тюрбаны киргизок.

Перекочевка киргизов. Фото Д. Хэнбери, конец XIX в.

Киргизы вековечные бродяги, и перекочевка для них не только необходимость, но и искреннее наслаждение. Весь их домашний скarb, весь быт их приспособлен к седлу и вьюку; у них все дорожное, все передвижное — и жилище, и мускулы, и сама душа.

Характерен ответ, который старая киргизка дала Вамбери, переодетому дервишем, спросившему ее, зачем они постоянно кочуют: «Мы не так ленивы, как вы, молла! нам не усидеть по целым дням на одном месте. Человек должен двигаться, потому что, посуди сам: солнце, месяц, звезды, вода, звери, птицы, рыбы — все движутся; только земля и мертвые

Киргизка — больше хозяйин верблюда, больше хозяйин кибитки, чем сам киргиз. Киргизка, а не киргиз будет разбивать кибитку по приходе кочевников на облюбленное ими горное пастбище; киргизка будет навьючивать и развьючивать верблюда, киргизка погоняет его, поит и кормит, точно так же, как поит и кормит, обмывает и обшивает самого киргиза и его киргизят, начиная от его белой войлочной шапки до его бараньего тулупа и сарапая и кожаных чомбар.

Может быть, от этой постоянной грубой работы среди суровых условий природы, от этой всегдашней мужественной борьбы с нуждами и тягостями жизни, киргизская девушка, киргизская женщина с детства вырастают такими рослыми, сильными, смелыми и выносливыми, так похожи на мужчин выражением своего лица и складом своих костей, так самостоятельны и тверды характером.

У редких цивилизованных народов женщина пользуется таким огромным значением и уважением, какими пользуются среди киргизов их жены и матери. Они никогда не закрывают своего лица, как это делают всегда праздные и бесправные сартянки и таджички, и пользуются наравне с мужчинами правом свободно смотреть на других и показывать другим самих себя. В общественных и семейных делах им принадлежит решающий и, во всяком случае, очень важный голос, и нельзя не удивляться, как могла образоваться такая поразительная разница в способностях, вкусах и положении по-видимому одной и той же азиатской и мусульманской женщины, какая является теперь между изнеженными, ни к чему не пригодными затворницами каких-нибудь турецких гаремов и этими мужественными и деятельными хозяйками киргизского кочевья.

В некоторых киргизских аулах женщины даже решают дела, касающиеся исключительно женщин. Зависимость всей жизни киргиза от его женщин он выразил в очень меткой пословице, столько же насмешливой, сколько трогательной: «Если твоя жена зла, что пользы от спокойствия народа? если твой сапог тесен, — что пользы от обширности мира?»

Киргизка, составляющая в мирное время всю силу семьи, не остается бесполезною для нее в дни войн и междоусобий.

Женщины киргизов не раз вступали в рукопашный бой, храбро защищая свои кибитки от врага, вторгнувшегося в родной аул, и постоянно ухаживают за ранеными, родными и чужими; других докторов и сестер милосердия у кочевников нет.

В этом отношении рассказы древних авторов о храбрых амазонках, кочевавших около Каспийского моря, рисуют очень мало видоизменившийся образ жизни киргизских и туркменских наездниц.

Мужественность и деловитость кочевой женщины среднеазиатских пустынь поражали и европейских путешественников, посещавших в XIII столетии монгольские страны.

«Девки и женщины монголов ездят верхом и скачут так же, как мужчины, — рассказывает Плано Карпини в своей классической книге, которую мы уже не раз приводили. — Жены у них делают все: шубы, платье, башмаки, сапоги и всякую кожаную работу. Они же ездят на

повозках и чинят их, также выучат верблюдов. Они очень проворны и искусны во всех работах. Все они носят портки; некоторые стреляют, как мужчины».

Читая эти строки, думаешь, что итальянский монах, современник Чингиса, описывает теперешних киргизок. До того сохранили они в наши дни старинные монгольские обычаи.

Киргиз, несмотря на грубость своих нравов и на свой семейный деспотизм, обычный у всех азиатов и у всех магометан, — очевидно, сознает великое значение женщины в своей жизни. Он украшает свою могучую помощницу самыми ласковыми именами, поистине очень нужными для такого дикаря, и очень мало подходящими к действительным качествам этих мужеобразных дам. Вы почти не найдете среди женских киргизских имен других названий, как Урюк (абрикос), Пистагуль (фисташковый цвет), Алва (халва, любимое лакомство азиатов), Карлыгас (ласточка), Джибек (шелк) и т. п.

Если встретится среди этих нежностей какая-нибудь Сарыкыз, то есть «желтая девушка», — то потому только, что в понятиях желтокожего монгола нет краше цвета, как желтый, для личика любимой красавицы.

Конечно, не нужно составлять себе из этого чересчур идиллических представлений о семейных добродетелях киргизского кочевника. Все-таки киргиз остается киргизом, азиат — азиатом, дикарь — дикарем.

Недаром он сочинил характерную поговорку на счет своего семейного быта: «Я могу бить свою жену, сколько мне угодно; а если убью, то заплачу хун».

Впрочем, если муж очень бьет свою жену, то род ее вступается и, в известных случаях, даже отнимает ее у мужа.

Насколько женщина ценится киргизами, лучше всего доказывается тем, что до последнего времени за нее платился очень высокий калым.

Конечно, калым вообще служит признаком зависимости женщины, обращает ее в товар своего рода, в домашнее животное, которое можно покупать за деньги. Но тем не менее, размер калыма имеет свое несомненное значение.

В прежнее время, когда киргизы владели огромными стадами и не были стесняемы в пастбищах, и когда, с другой стороны, участие трудолюбивой и энергической женщины в их постоянно тревожном и необеспеченном быту было особенно важно для них, — калым за невесту обыкновенно доходил до ста различных скотин, но теперь такой калым уже редкость, и чаще всего он не поднимается выше 9—10 голов (1 или 2 верблюда, 4 лошади, 4 коровы).

При этом бедняки вместо коров и лошадей дают столько же мелкого скота, овец и коз, а иногда даже и лошадь вместо верблюда.

Киргизы, как истые азиаты, большие любители жен.

Хотя магометанский писанный закон, шариат, не разрешает правоверному иметь более четырех жен, но народные обычаи, или адаты, по-киргизски «занг», — в этом отношении гораздо великодушнее и позволяют мужу иметь столько жен, сколько пожелает душа его, «ибо жена — самка», оттого ей позволительно ходить с открытым лицом, как и прочим животным.

Понятно, что богатые киргизы более придерживаются любезного им занга, чем педантических правил шариата.

«Разбогатеет сарт — строит дом; разбогатеет киргиз — набирает жен», — говорит туземная пословица.

Другая такая же пословица свидетельствует о семейных вкусах киргиза несколько с иной точки зрения: «Дом с детьми — базар, а без детей — мазар (т. е. могила)», — говорят киргизы.

Меня уверяли, что киргиз, у которого более четырех жен, живет брачно только с четырьмя; остальные обращаются в так называемые суфи, то есть, «воздержанные», — невольные монахини своего рода.

С каждую же из четырех действительных жен своих киргиз обязан по адату ночевать по очереди, а она, в свою очередь, обязана готовить ему в этот день кушанье и заниматься всем хозяйством; так что деликатный вопрос о разделении на четыре части семейных радостей и семейных обязанностей разрешен кочевым законодательством довольно просто и остроумно, по принципу: «любишь кататься, люби и саночки возить».

Впрочем, старшая, или любимая жена киргиза, — байбише — сохраняет над всеми остальными женами некоторое начальственное значение.

Все эти полигамические вкусы узкоглазого монгола не мешают ему сваливать беду с больной головы на здоровую и оскорблять верных подруг своей жизни такими пословицами, будто «красивая женщина не может не быть развратницею».

Вероятно, чтобы избежать этого греха, киргизских женщин отдают замуж, а киргизских парней женят — очень рано.

В большинстве киргизских родов, малый в 12—13 лет уже считается совершеннолетним, а девушки признаются способными к брачному сожитию даже с 9 и 10 лет.

Правда, тут бывает большая разница — смотря из какой семьи жених или невеста. В богатых семьях, где едят много баранины и конины, где дети растут сыто и привольно, совершеннолетие наступает значительно ранее, чем среди голодающего и отощавшего населения.

В этом отношении замечательно, что дети мясников, даже и не богатых, — вполне приравняются к богатым семьям, именно потому, что имеют частые случаи питаться мясом.

Бий Халмахаммед, как передает генерал Гродеков в своей прекрасной книге о юридическом быте киргизов и каракиргизов, на предложенный ему по этому поводу вопрос отвечал очень искренно: «О других не могу сказать, а знаю только, что я с 12-ти лет достиг совершеннолетия, так как с тех пор стал способен быть отцом семейства. Другие, более слабые люди годятся только с 15-ти лет».

Алайские каракиргизы, у которых мы только что гостили, чаще всего помолвливают своих детей, когда, им сравняется только один год, а иногда даже и до рождения ребенка. Но женитьба происходит все-таки в свое время, и не раньше, конечно, как жених в состоянии внести весь назначенный калым.

Невеста у киргизов считается собственностью не семьи ее, а целого рода. Если умрет жених, брат жениха имеет право взять ее; если умрет невеста, жених может взять за себя ее сестру.

Мстит за невесту тоже целый род. После того, как совершится торжественное заклание козла, в кибитке старшего брата невесты, — нечто вроде нашего обручения, — жениху дозволяется ложиться со своею невестою, хотя еще без всяких брачных прав, и если он злоупотребит своим положением, то подвергнется жестокой мести со стороны членов оскорбленного рода.

Но самая оригинальная черта киргизской свадьбы — это злополучное положение несчастных сватов, подобного которому не встречается, кажется, ни у одного народа на земном шаре; их раздевают догола и с веревкой на шее таскают на посмеище всего народа; во время свадебного пиршества пришивают к кошмам, так что они двинуться не могут; вытаскивают из кибитки за ноги через верхнее круглое отверстие — чангарак, и вообще проделывают над ними самые непристойные шутки, причем женщины заигрывают их иногда до смерти, как уверяют исследователи киргизского быта.

Мне кажется, этот нелепый и возмутительный обычай — тоже родовая месть особого вида — безжалостно-шуточное возмездие со стороны рода за увоз принадлежащей ему ценности — невесты — главным виновникам этого добровольного похищения.

А перекочевывающие караваны между тем все чаще и чаще попадают на нашу навстречу. Перекочевывают тоже, обыкновенно, целым родом.

Земля у киргизов и до русского завоевания, считалась общим добром всего племени, а теперь, по закону 12-го июня 1886 года, признана государственною собственностью, которую кочевники могут занимать под свои стада и кочевья в бессрочное пользование. Кочевки свои киргизы вообще называют «кушпек».

Зимовые стойбища их, более тесные и труднее находимые, отводятся каждому роду, а летовки, или летние кочевья, — по-киргизски «джейляу» — населению целого уезда без различия родов.

Летние кочевья киргизов бывают так обширны, что в сухое лето в пределах какой-нибудь Сырдарьинской или Ферганской области — иногда не хватает пастбищ для скота, и киргизам дозволяется в таких случаях перекочевывать даже в соседние области Степного генерал-губернаторства, где жары бывают не такие иссушающие и население не так тесно, в области Семиреченскую, Акмолинскую, Тургайскую.

Осенние же кочевья — «куздяу» — они находят у себя дома, где за лето успеет отрасти порядочная трава.

Изготовление кошмы. Экспедиция К. Г. Маннергейма, 1906

Собственно говоря, земля не имеет никакой цены в глазах киргиза, и, вероятно, было время, когда все народы, обитавшие в сухих равнинах, относились к ней так же. Ценится высоко кочевником только вода и труд.

Здесь продают и покупают не землю, а воду, да сколько-нибудь осязательные плоды человеческой работы.

Арык, колодезь, деревья, постройки, — вот что всегда считалось у киргизов личною наследственною собственностью и на что получались, взамен купчих и данных, ярлыки ханов или судебные приговоры биев.

Пастбища же, сенокосы и даже пашню свою кочевники бросают, отъезжая, нисколько не заботясь поддерживать свое *jus primi occupantis*.

Но если род вырыл кудук или арык, торжественно заклад над ним козла или барана и принеся таким образом «кудаи» (т. е. жертву богу), — то уж этот арык или колодезь делался на веки вечные собственностью рода, не прекращаемою никакими земскими давностями.

Ханы считали себя обязанными выдавать родам ярлыки на их арыки, летовки и зимовки, причем и летовка и зимовка непременно обозначались в одном и том же ярлыке, так как одна без другой они теряли всякое значение.

Передвижение кочевников с зимовок на их горные джейляу, — картиною которого я теперь любуюсь глазами художника, — очень важное событие в жизни каракиргиза.

Под перенос кибитки выбираются самые сильные животные. Большую кибитку поднимают обыкновенно пять верблюдов, для небольшой — достаточно и трех.

Накануне выхода с зимовника устраивается общее угощение, где обильно истребляется куйрук (курдючное сало), каймак (топленые сливки), айран (кислое овечье молоко с водою), крут (кислый овечий сыр), кужа (каша из проса), мясо баранов, коз и лошадей.

Впрочем, по убеждению киргизов, мясо, до которого они большие охотники, вовсе не есть лучшая пища для человека. Напротив того, они считают самую чистую и полезную пищею хлеб и виноград, и уверяют, что сам Аллах признал это, сказав людям: «Если бы я

мог употреблять яства, я бы ел только хлеб и виноград». Остальные плоды тоже считаются «пищею рая», мясо же, по понятиям киргиза, не из рая, а из остатков глины после сотворения Богом первого человека.

В этих наивных взглядах кочевника нельзя не видеть искаженного отзвучия древних библейских сказаний о рае, исстари распространенных среди народов Азии.

Мясо овцы и козы считается у киргизов лучшим; лошадь сотворена, по их убеждению, из воздуха — «ель», оттого она и обладает быстротою и легкостью. Верблюда киргиз режет только в исключительных случаях, когда он отправляется на паломничество в Мекку и приносит Аллаху умиловительную жертву.

На пиршествах киргизов непременно участвует и музыка. В кибитках алайских каракиргизов мы везде видели висащие на стенах туземные балалайки — домбра, скрипки — кобза и дудки — сабызга. Почти всякий киргиз умеет играть на чем-нибудь. Кроме музыки и песен неизбежною забавою их пиров служит также их любимая байга — отчаянная борьба между собою молодых парней.

Перед скачками. Экспедиция К. Г. Маннергейма, 1906

Когда прощальное пиршество окончится, зажигают на краю зимовки два костра и становятся между ними какую-нибудь седоволосую старую ведьму, — хранительницу родовых преданий и обычаев.

Старуха, творя причитанья, разбивает тыквенный кувшин, по-киргизски «кабак» — откуда, вероятно, произошло и наше название «кабачков» для мелкой породы тыкв, из которых на юге готовят очень вкусное кушанье.

«Как разлетелся в куски этот кувшин, так пусть разлетятся все наши печали!» — торжественно провозглашает старуха и, взяв за повод нагруженных верблюдов, первая выводит их из зимнего стойбища.

Присутствующее киргизы начинают перепрыгивать через костры и кричать вслед за старухой: «Алас, алас!» (прочь, прочь!). Когда на другой день выступают из зимовища, то верст через 5-ть или 6-ть делают остановку, разбивают опять юрты, режут лошадей, баранов и устраивают новое «кудаи» Аллаху. При заклании животных старшина рода молится: «Да будем мы так же счастливы на новом месте, как были счастливы на старом!»

Впереди каравана посылаются заранее разведчики из самых опытных стариков.

Разведчики, отыскав колодезь, который должен служить средоточием будущего кочевья, ставят «бельчи» — или «признаку», как говорили у нас в старину, — втыкают копьё, оставляют какую-нибудь свою вещь, связывают пучком траву около колодца, а чаще всего чертят на земле тамгу своего рода, — и уже после этого ни один киргиз не остановит своих верблюдов на захваченном пастбище.

Тамга, от которой произошло наше старинное русское слово «таможня», — служит самым верным признаком пребывания рода в известном месте. Тамга — это условный знак, тавро, печать, заменяющая и герб, и подпись для киргизских родов.

Если на каком-нибудь камне или памятнике отыщется тамга известного киргизского рода, то не может быть никакого сомнения, что род этот когда-нибудь кочевал здесь и поставил эти памятники.

Каждый из 92-х узбекских родов, — которых мы, русские, смешиваем под общим названием киргизов, — имеет особую тамгу, ведущую свое начало с незапамятных времен. По преданиям киргизов, тамга была придумана в старину для того, чтобы 92 брата, родоначальники узбекских родов, — могли различать свой скот от скота других братьев.

До сих пор тамга эта выжигается здешними киргизами и каракиргизами — на всякой скотине. На лошади и верблюде она выжигается всегда слева, так как садятся на них с левой стороны. Но один род выжигает тамгу на голове, другой на боку, на плече, на животе, на ляжке и т. п.

Общая тамга служит в некотором смысле объединяющим знаменем для киргизов одного рода. Значение этих древних родов хотя и сильно расшаталось после русского завоевания, но все-таки продолжает быть главным общественным началом в жизни киргизов.

И киргизы, и каракиргизы все называют себя узбеками, и список 92-х основных узбекских родов с небольшими видоизменениями распространен во всех киргизских аулах.

Степные киргизы, впрочем, хотя и признают каракиргизов узбеками, но отделяют их в совершенно особое племя и уверяют, будто они произошли от калмыков и даже от собак.

Мне кажется, такой взгляд степных киргизов на своих горных собратьев достоин серьезного внимания. Уже и при первом взгляде на каракиргиза бросается в глаза его сильная «калмыковатость» сравнительно с другими кочевниками Туркестана. Каракиргиз смотрит гораздо больше монголом, чем степной киргиз и сарт. В то же время каракиргиз гораздо храбрее степного киргиза, или казака, как они величают сами себя, и независимее его по своему духу.

Старики перед юртой. Экспедиция К. Г. Маннергейма, 1906

Из этих сопоставлений можно, пожалуй, вывести заключение, что кара-киргиз, быть может, есть прямой потомок монгола-завоевателя, гораздо менее смешавшийся с побежденными тюркскими народностями, чем киргиз-казак, чему, конечно, немало могло

способствовать и их труднодоступное место жительства в горных тущобах Алайского и Ферганского хребтов.

Замечательно, что среди кара-киргизов нет привилегированного сословия, так называемых тюрей, или «белой кости» («ак-суек» по-киргизски).

Тюри считаются потомками Чингисхана (и в тоже время, непостижимым образом, потомками халифа Аббаса) и имеют, а особенно имели прежде, среди киргиз-казаков почти такое же значение, как наше дворянское сословие имело среди крестьян и купцов крепостной эпохи.

Они всегда были наследственными вождями племени, пользовались большим почетом и важными преимуществами в правах собственности. До последнего времени браки между «белой костью» — «ак-суек» — и «черной костью» — «кара-суек» — считались великим позором для тюрей; женщина «белой кости», вышедшая замуж за «черную кость», подвергалась проклятию и лишалась своих сословных льгот.

При графе Сперанском возникла мысль привести в известность народные обычаи киргизов, подвластных России, и составить общий свод этих адатов.

Свод этот, напечатанный на киргизском языке, хранился во 2-м отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии, и профессор Самоквасов в 1876 году издал по сохранившимся копиям его «Сборник обычного права сибирских инородцев» с специальным приложением к нему «Обычаев киргизов» (Большой и Средней орды). Так как материал для этого сборника собирался при помощи киргизских старшин, то султаны и бии их, принадлежавшие к сословию тюрей, по-видимому, широко воспользовались представлявшимся им удобным поводом усилить и закрепить свои сословные привилегии на счет простого народа, выдавая за старинные обычаи многое такое, что только было с их стороны случайным злоупотреблением или даже просто мечтою будущего.

По крайней мере, местные исследователи этого вопроса, как, например, известный знаток киргизского быта генерал Гродеков, прекрасной книгой которого «Киргизы и кара-киргизы» мы главным образом пользуемся в настоящем случае, — предполагают, что жестокие наказания и даже смертная казнь за оскорбления и нарушение преимуществ «белой кости» людьми «черной кости» — введены в сборник адатов по выдумке самих киргизских старшин, которая не могла быть проверена составителями сборника за отсутствием среди русских исследователей того времени хорошо подготовленных знатоков киргизского языка и обычаев.

Может быть, этими же обстоятельствами следует объяснить и включение в сборник киргизских адатов таких жестокосердых и фанатических правил, совершенно не подходящих к обычной терпимости и маловерию степного кочевника и так странно звучащих в книге законов христианского государства, как «лишение живота за поругание своего закона», в случае принятия киргизом христианства, или «повешение 7-ми человек» из членов рода за убийство одного ходжи, которые, подобно султанам и биям, принадлежали к «белой кости» и почитались потомками сподвижников пророка. Смертная казнь полагалась по этому сборнику даже и за такой несколько не уголовный проступок, как вступление в брак сына или дочери без ведома родителей.

Мы, русские, всегда отличались излишнею доверчивостью и излишнею снисходительностью к разным инородцам, входившим в состав нашего огромного царства. На Кавказе, в Сибири, в Киргизских степях мы делали те же ошибки, как и в балтийских провинциях, Финляндии и Польше, освящая могучею поддержкою государства, без серьезной проверки и изучения подлинных обстоятельств дела, разные неправые притязания и случайные злоупотребления господствующих сословий, составлявших в сущности ничтожное меньшинство народа; мы наивно воображали, что приобретаем себе верных сторонников в тех руководящих слоях новоприсоединенной народности, которых мы

щедро награждали присвоенными ими себе льготами, — а вместо того в них именно и встречали каждый раз самых упорных противников русской государственности, самых горячих друзей всякого рода обособленности местного края от России.

Таковыми недалёковидными простаками являлись мы до последнего времени относительно польских панов, остзейского рыцарства, финляндских сеймов, сибирских шаманов, горских князей Кавказа, — такими же оказались мы и по отношению к ходжам и султанам киргизских орд.

Впрочем, в последнее время, после покорения Туркестана и устройства киргизских орд на новых началах, привилегии «белой кости» уже не признаются русским законом, да и в жизни туземцев они потеряли прежнее значение.

С 1867 года русское правительство разделило киргизские орды по уездам, волостям и аулам, и вместо наследственных родовых старшин установило выборных волостных старшин и аульных сельских старост (аксакалов), чтобы ослабить среди киргизов прежнее значение рода и «белой кости», слишком близкое к старым порядкам их быта и слишком поэтому мешавшее слиянию киргизов с остальным населением империи.

Это нанесло несомненно глубокий удар родовому быту киргизов. Хотя под видом выборных волостных старшин пока еще выдвигаются большей частью те же наследственные вожди родов, имеющие еще огромное значение среди населения, и хотя вопреки административному раздроблению рода на волости и аулы и искусственному соединению в одной волости частей из различных родов, — в каждой волости пока распоряжается беспрепятственно господствующий род, — но все-таки нельзя не видеть, что новые начала заметно бродят в народной массе и вызывают все чаще и чаще явления нового характера, несомненно видоизменяя взгляд народа на значение и рода, и «белой кости», приучая его все больше к равенству перед законом и к господству над всем государственного интереса.

К сожалению, эти новые начала невольным образом расшатали те старые нравственные устои, на которых до сих пор покоилась сколько-нибудь твердо общественная и семейная жизнь кочевников. Выборное начало внесло с собою возмутительную продажность, недобросовестность, дух смуты и интриг. Почтение к старшим членам рода, послушание родителям, страх перед судом, религиозное благочестие, — все эти полезные нравственные тормазы человека заметно ослабели среди киргизов и развязали руки более дерзким и корыстным из них. Но это, кажется, неизбежная ступень, через которую приходится проходить всякой народности, вырастающей из пеленок патриархального быта и призываемой к более широкой гражданской жизни. Поэтому и смотреть на эти печальные явления следует без малодушия и отчаяния, с твердою верою, что временная болезнь роста окончится в свой срок, и что нужно только зорко следить за ней и не колеблясь применять против нее подходящие лекарства.